

СЕМЬЯ, БРАК И РОДИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Выпуск 2

Под редакцией

А. В. Махнача, К. Б. Зуева

Коллектив авторов

**Семья, брак и родительство в
современной России. Выпуск 2**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 /
Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2015

ISBN 978-5-9270-0312-9

В книге представлены работы российских психологов, работающих с современной семьей. Обсуждаются вопросы профессионального сопровождения семьи, построения типологии, роли культурных и национальных факторов в семейном взаимодействии. В статьях затронуты, как традиционные темы супружеских, детско-родительских, сиблинговых и других семейных отношений, так и относительно новые, такие как приемное родительство, степень включенности наемных работников в семью и др. Книга будет интересна широкому кругу профессионалов, интересующихся проблемами современной российской семьи.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0312-9

© Коллектив авторов, 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

Основные направления изучения семьи, брака и родительства в современной психологии (вместо предисловия)	6
Раздел I	10
Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда[1]	10
Оценка эффективности системной семейной психотерапии	15
Актуализация субъектного потенциала родителя во взаимодействии с ребенком[2]	21
Взаимосвязь характеристик семьи и психологических особенностей ребенка, перенесшего онкологическое заболевание	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Семья, брак и родительство в современной России

Выпуск 2

© ФГУБН Институт психологии РАН, 2015

* * *

Основные направления изучения семьи, брака и родительства в современной психологии (вместо предисловия)

К. Б. Зуев (Москва)

konstantin.zyev@gmail.com

Введение

На протяжении всего своего существования семья переживает постоянные трансформации, и, по всей видимости, этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока семья существует как социальный институт. В то же время изменения, которые происходили с семьей на протяжении XX века, и особенно те, которые происходят в нынешнем, XXI веке, ставят под угрозу само существование семьи. Вместе с тем в гуманитарных науках до сих пор нет единого понимания того, что же такое семья, также отсутствует приемлемое определение. Из этого следует, что, помимо конкретно-эмпирических исследований семьи, которые проводятся в значительном количестве и в той или иной степени отражают имплицитное понимание семьи исследователями, совершенно необходим концептуально-терминологический анализ, который был бы отражен в теоретических исследованиях. К сожалению, последние очень редко встречаются в данной предметной области. Вместе с понятием «семья» также требует определения термины «родительство», «супружество», «брак» и многие другие. Необходимость данного обсуждения стоит в научном сообществе очень остро, поскольку исследования, осуществляемые в социогуманитарных науках, не поспевают за реальными изменениями в обществе. Кроме того, необходимо отметить, что это обсуждение может быть только междисциплинарным. Ни психология, ни социология, ни философия, ни право, ни педагогика, ни какая-либо другая отрасль гуманитарного знания не сможет в одиночку дать исчерпывающие ответы на все вопросы о семье.

Началу такого диалога и призван послужить представляемый читателю сборник. Книга издается в Институте психологии РАН при содействии факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета и Психологического института РАО.

Необходимо отметить, что данный сборник не первый, посвященный проблемам психологии семьи, который выходит в Институте психологии РАН. За последние годы было издано три книги. В 2013 году вышел сборник «Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире» под редакцией В. А. Кольцовой. Сборник посвящен самому широкому кругу проблем современной семьи, но основной акцент сделан на исследованиях духовно-нравственных аспектов семьи и семейного воспитания. В 2015 году свет увидела коллективная монография «Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект» под редакцией А. В. Махнача, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. В написании монографии приняли участие ведущие российские и зарубежные авторы. За два года до этого в 2013 году в серии «Психологическая наука – практике» была издана книга «Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство». Авторы – А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых.

И отдельно отметим, что в 2014 году в издательстве «Когито-Центр» вышел первый сборник «Семья, брак и родительство в современной России». Авторами первого сборника выступили специалисты ИП РАН ФПП МПГУ и других научных и исследовательских организаций.

Социально-психологические факторы в исследованиях семьи

Перед рассмотрением основных направлений исследования семьи, необходимо кратко остановиться на социально-психологических факторах, которые оказывают влияние на исследования семьи в современной России. Ранее мы рассмотрели их в предисловии к первой части сборника (Семья, брак..., 2014), поэтому сейчас подчеркнем самые важные и не утратившие актуальности. Первый фактор – включение мировоззренческих позиций в исследования семьи. В целом в науке на ее современном (постнеклассическом) этапе развития повсеместно признается роль личности исследователя в выборе тем, методов и пр. Это также верно и в интерпретации полученных результатов. Но в психологии семьи, в силу того, что изучается семья, к которой все люди имеют то или иное отношение, данная тенденция привела к тому, что зачастую исследование становится не инструментом проверки гипотез, а оружием в идеологическом споре. Наличие радикальных изменений в институте семьи признают все, но вот оценки происходящего значительно рознятся. С некоторой долей условности можно выделить два лагеря. Представители первого оценивают происходящие изменения, как кризис семьи и призывают к мерам по укреплению традиционной семьи. Представители второго лагеря утверждают, что происходящие изменения – закономерный ход истории, противостоять которому глупо.

С сожалением приходится констатировать радикализацию взглядов представителей, как первого, так и второго лагерей, которую можно рассматривать в качестве второго фактора. С обеих сторон наблюдается полное нежелание искать рациональное звено во взглядах оппонента. Более того, нередки случаи, когда научная дискуссия принимает крайние формы.

Третий фактор – имплицитный запрет на определенные темы в психологических исследованиях отношений в семье. В первую очередь это относится к исследованиям однополых сожительств. С одной стороны, обращение к данной тематике может вызвать резко негативную реакцию со стороны специалистов, изучающих традиционные темы семьи, вплоть до законодательных запретов. Конечно, возможны исключения, если в исследованиях будет показана «ущербность» таких сожительств. С другой стороны, сами исследования часто делаются не только и не столько с целью выявления психологических особенностей, а сколько с целью осознанной социальной провокации. В таких исследованиях, напротив, в обязательном порядке показывается «состоятельность» и «самодостаточность» однополых сожительств. И тот и другой взгляд вредят научной объективности и сильно обедняют психологию семьи, которой совершенно необходимо реагировать на вызовы современного общества.

В качестве еще одного примера имплицитного запрета на определенные темы в психологических исследованиях приведем исследования детей-сирот, выросших без попечения родителей. В последние годы государство предпринимает большие усилия для помощи детям-сиротам. Принят ряд комплексных мер, направленных на искоренение сиротства, как социального явления. Ведется активная социальная реклама, направленная на устройство детей-сирот в семьи и т. д. В тоже время психологические исследования детей-сирот и замещающих семей, взявших на себя заботу об этих детях, крайне редки. Все что связано с сиротством остается «запретной» темой, отчасти в силу закрытости учреждений, в которых находятся сироты, отчасти из-за того, что, как представляется, общество и государство не готовы принять результаты подобных исследований.

Четвертый фактор – изменение государственной политики и общественного мнения относительно людей с ограниченными возможностями, и в первую очередь – детей. На государственном уровне реализуется политика, направленная на максимально возможное включение инвалидов в социальную жизнь. Как следствие – исследования семей с инвалидами стали проводиться значительно чаще. И, если раньше подобные исследования были направлены преимущественно на выявление психологических особенностей больных и членов их семей, то

современные исследования нацелены на выявление адаптационного потенциала семей, ресурсности и факторов, способствующих полноценной социализации.

Несмотря на влияние указанных факторов на выбор тематики, психологические исследования семьи становятся более разнообразными и массовыми. У исследователей не исчезает интерес к проблемам психологии семьи. В то же время, говорить о психологии семьи как самостоятельной отрасли пока рано, но следует выделить как минимум три основания для выделения направлений исследований в психологии семьи.

Основания для выделения направлений исследований психологии семьи

Первое основание – по предмету исследования внутри семьи. Большинство учебников состоит из однотипных разделов: психология супружества, психология детско-родительских отношений и рассмотрения различных нормативных и ненормативных кризисов. Заложенное в учебниках выделяемое нами основание переходит и исследовательскую практику. Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем, заглянув в программы конференций. Основная масса исследований традиционно приходится на два указанных типа отношений (супружеские и детско-родительские), причем лидируют вторые. Так за период с 2010 года по настоящее время в Научной электронной библиотеке (на основании публикаций к которой высчитываются основные библиометрические показатели в России, включая Российский индекс научного цитирования) было размещено 368 статей в названии которых содержится словосочетание «детско-родительские отношения». В то же время словосочетание «супружеские отношения» встречается 80 раз, а словосочетание «отношения мужа и жены» – ни разу. Не удивительно, что данная тенденция нашла свое отражение и в нашем сборнике. Несмотря на то, что мы старались избегать формирования разделов по предмету исследования, в сборник включены 8 статей, объединенных под названием «Психология и педагогика семейного воспитания» (Раздел VII).

Второе основание – отраслевое. Процессы, происходящие в семье интересны представителям различных отраслей. В первую очередь необходимо отметить социальную психологию. Словосочетание «социальная психология семьи» довольно прочно вошло в научный обиход. В сборнике представлены 10 статей, объединенных в раздел II «Социально-психологические характеристики современной семьи».

Так же по отраслевому основанию собраны 10 статей раздела «Проблемы комплексной диагностики семьи и детско-родительских отношений» (раздел VI). Несмотря на видимый прикладной аспект данного раздела, в статьях ставятся фундаментальные проблемы. В современных исследованиях семьи используется очень ограниченный набор методик, большинство из которых представляют собой опросники, разработанные за рубежом и адаптированные в нашей стране 20–30 и более лет назад, в совершенно других политических, экономических и социальных реалиях. Разработка нового инструментария, основанного на современных теориях и в современных условиях жизни семьи, является актуальной задачей для всей психологии, а не только психологии семьи.

С некоторой долей условности к отраслевому делению можно отнести раздел III «Типология семьи: междисциплинарный подход». Затрагиваемые в статьях вопросы выходят за рамки психологии семьи, общей психологии и в некоторых случаях психологии в целом.

В разделе «Семья в контексте культуры» (Раздел IV) представлены 4 статьи, которые мы так же относим к отраслевым, отдавая себе отчет, что они выходят за рамки этнопсихологии, что и отражено в названии раздела.

Как известно, изучением семьи занимаются специалисты психологии развития и возрастной психологии, психологии личности, патопсихологии. По этой причине статьи представите-

лей всех указанных направлений присутствуют в сборнике, однако размещены по разделам в соответствии с другими основаниями.

К сожалению, использование наукометрических количественных показателей в данном случае затруднено. Мы не можем сказать, в каком из направлений выполнено больше исследований семьи в силу несовершенности инструментов поиска в Научной электронной библиотеке.

Последнее основание для выделения направлений – проблемное. Имеется в виду решение конкретных научных проблем на предметном поле психологии семьи. Именно такое основание для классификации статей нам представляется самым перспективным. Конечно, с одной стороны, мы имеем опасность потерять специфику предмета психологии семьи, но с другой стороны именно рассмотрение актуальных научных проблем подчеркивает значимость семьи, как особой психологической общности.

К проблемно-ориентированным разделам относятся: «Проблемы современной семьи: теория и практика сопровождения» (Раздел I), «Психологические аспекты жизнеспособности семьи» (Раздел V).

Очевидно, что представленное в книге деление носит условный характер. Ряд статей и даже разделов сборника можно отнести к нескольким основаниям.

В итоге в сборнике представлены 47 статей авторов из различных регионов России – ученых из академических и учебных заведений, психологов-практиков из России и Белоруссии. Ряд работ поддержан грантами РГНФ и РФФИ, что также свидетельствует о высокой значимости исследований семьи.

Литература

Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Семья, брак и родительство в современной России / Под. ред. Т. Н. Пушкаревой, М. Н. Швецово́й, К. Б. Зуева. М.: Когито-Центр, 2014.

Социально-психологические аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / Отв. ред. В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Раздел I

Проблемы современной семьи: теория и практика сопровождения

Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда¹

А. А. Алдашева, М. Е. Зеленова (Москва)

aigulmama@mail.ru mzelenova@mail.ru

В статье рассматривается профессия «замещающий родитель». Проанализированы теоретические и эмпирические работы, затрагивающие вопросы приемного родительства. Выделены уровни анализа профессиональной успешности кандидатов в замещающие родители, с опорой на которые возможно построение психогаммы специалиста данного профиля.

Ключевые слова: дети-сироты, приемная семья, профессия «замещающий родитель», профессиограмма, психогамма, личностные особенности.

Проблема сиротства продолжает оставаться одной из сложнейших социальных и научных проблем современного общества. Российский и международный опыт свидетельствуют о наличии разнообразных форм жизнеустройства детей-сирот. Опыт показывает, что каждая из существующих форм семейного жизнеустройства детей-сирот имеет свою целевую группу детей, при этом общим признаком для них является низкий уровень социализации, как результат семейной депривации (Гайсина, 2013; Прихожан, Толстых, 2007; Ослон, 2006; и др.).

В последние десятилетия убеждение в том, что дети-сироты должны воспитываться в семье, стало основой государственных социальных программ, направленных на решение проблемы сиротства. Помещение детей в приемные семьи, где родители имеют необходимые навыки и опыт ухода за детьми (в том числе детьми-инвалидами), получая фиксированную плату за свою заботу, предполагает разрешение многих проблем, связанных с воспитанием детей-сирот в России (Астахов, 2014). Государство материально и информационно поддерживает создание приемных семей, проводятся конференции, привлекаются негосударственные общественные организации, способствующие развитию института приемной семьи. На практике можно констатировать появление новой социономической профессии – «замещающий родитель», что предполагает вычленение определенных критериев и требований к профессионалам данного профиля, а также необходимость разработки и учреждения системы подготовки будущих приемных родителей как квалифицированных специалистов (Алдашева, 2012; Алдашева, Махнач, 2010; Алдашева, Зеленова, Рунец, 2015).

Профессиональный замещающий родитель предоставляет социальные услуги государству по воспитанию детей-сирот, несет ответственность за жизнь, здоровье и благополучие приемного ребенка. Основным инструментом работы приемного родителя является его личность, а также его знания и умения в сфере воспитания детей и организации семейной среды, ее материальных и психологических ресурсов, взаимодействия с другими социальными группами, государственными институтами. Замещающее родительство можно определить как интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностно-смысловых ориентаций родителя, его установок, убеждений и ожиданий, приня-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10508а.

тие родительской позиции и родительской ответственности, стиля семейного взаимодействия, переживание родительских чувств. Это многогранный социально-психологический феномен, имеющий сложную структуру и являющийся нравственным продуктом, нарабатанным в ходе жизненного пути. Компетентность замещающего родителя включает готовность и способность профессионального приемного родителя применять знания для принятия эффективных решений по воспитанию приемного ребенка (Алдашева, Иноземцева, 2014).

Приемная семья представляет собой малую социальную группу. Она может рассматриваться как многоуровневая, многокомпонентная система, все подструктуры которой тесно взаимосвязаны и базируются на общности быта, многосторонних личных и социальных взаимоотношениях, взаимной ответственности и взаимопомощи. Создание приемной семьи и успешность ее дальнейшего существования как открытой многокомпонентной системы, находящейся в состоянии подвижного равновесия, является сложным процессом. Устойчивость приемной семьи и ее целостность как системного образования закладывается уже на этапе отбора кандидатов в замещающие родители, определяется множеством факторов и напрямую зависит от успешности адаптационного периода. Как известно, прохождение адаптационного периода, формирование и укрепление внутрисистемных связей позволяет любой системе приобрести новые качества и способность к позитивному поступательному развитию в будущем. В ситуации, когда адаптационные трудности преодолеть не удается, система утрачивает свою целостность. Она либо распадается, либо начинает функционировать на более низком уровне, приобретая все большее число деструктивных признаков (Ломов, 1996).

Основные проблемы приемного родительства (отбор кандидатов, воспитание и развитие ребенка в замещающей семье, сопровождение приемных семей и т. д.) рассмотрены в работах многих ученых. Анализ исследований, посвященных созданию и функционированию приемных семей, показал многообразие авторских подходов, среди которых можно выделить социально-психологический, мультимодальный, экзистенциально-гуманистический, ресурсный и др. (Котова, 2011; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2014; Куфтяк, 2008; Ослон, 2006; и др.). При этом наблюдается разнонаправленность позиций и акцентирование преимущественно конкретных компонентов и подструктур семьи, что в значительной степени затрудняет понимание специфики деятельности приемного родителя. Отсутствует профессиограмма профессии «замещающий родитель», в которой представлен перечень требований и условий труда приемного родителя, а также базирующаяся на этих требованиях ее составная часть – психограмма, позволяющая получить портрет успешного профессионала с психологических позиций.

Анализ источников с целью выделения профессионально значимых качеств, социально-демографических и психологических характеристик людей, готовых взять на воспитание ребенка-сироту, позволил получить следующие данные. Как правило, приемными родителями желают стать зрелые люди в возрасте 30–45 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование. Что касается семейного статуса, то, по данным одних исследователей, среди кандидатов преобладают семейные пары, более половины которых имеют родных детей; согласно другим, кандидаты – это в основном одинокие женщины (вдовы или разведенные), имеющие своих детей и родительскую семью, в истории которой нередки случаи многодетности и есть факты принятия детей на воспитание. В целом, опираясь на эти данные, можно сказать, что успешность приемного родительства определяется такими социально-демографическими факторами, как: наличие в семье собственных взрослых детей; наличие собственного родительского опыта; ориентация родителей на выбор детей младшего возраста. Что касается психологических составляющих, то анализ показал, что при отборе кандидатов и формировании замещающих семей необходимо учитывать следующие большие группы переменных: мотивы приема ребенка в семью и ценностные ориентации замещающих родителей; характеристики приемной семьи как малой социальной группы (особенности внутрисемейных взаимоотношений и взаимодействия с ближайшим окружением и социумом). Выявлено также, что успешные

и неуспешные приемные родители отличаются рядом личностных особенностей, отношением к ошибкам детей, характером переживания собственного опыта детско-родительских отношений, предпочтением методов воспитания, способами разрешения проблемных ситуаций.

Особый интерес представляют данные, свидетельствующие о возможном появлении негативных последствий в приемных семьях. Именно учет подобных фактов требует тщательного осмысления при создании концептуальной модели профессионала «замещающий родитель» и построении профессиограммы специалиста. Например, установлено, что у кандидатов в замещающие родители, по сравнению с обычными семьями, значимо ниже уровень удовлетворенности разными сферами жизни, кроме того, у них ниже рефлексивность (особенно в сфере профессиональной деятельности). Опрос экспертов показал, что обследованные кандидаты в замещающие родители часто нуждаются в психологической помощи (Котова, 2011). Установлено, что приемные родители характеризуются высокими показателями шкалы «ригидность аффекта» (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013). Приемные родители на статистически достоверном уровне чаще отказываются от детей подросткового возраста.

В целом, по результатам эмпирических исследований, замещающий родитель предстает как человек активный, имеющий внутреннюю систему взглядов и убеждений, помогающих ему противостоять стрессам и справляться с жизненными ситуациями. В приемном родительстве он видит либо самоактуализацию себя как родителя, либо альтруистическую помощь ребенку-сироте. В процессе самореализации он предпочитает опираться на эмоциональный опыт, умеет не расстраиваться по пустякам и в любой ситуации способен находить положительные моменты. Кандидаты в приемные родители, у которых присутствует представление о том, что они «хозяева жизни» и способны влиять на нее в соответствии со своими целями и представлением об осмысленности жизни, обладают способностью идентифицировать эмоции других людей и сопереживать им. Будущие приемные родители оптимистично смотрят на жизнь, стремятся преодолевать возникающие трудности, способны конструктивно решать конфликты и находить выход из сложных ситуаций (Алдашева, Иноземцева, 2014; Николаева, 2013; Николаева, Япарова, 2007; Проблема сиротства..., 2015; и др.)

Проведенное с позиций социальной психологии труда с целью построения концептуальной модели и профессиограммы профессии «замещающий родитель» обобщение эмпирического материала, позволило выделить три уровня анализа.

Первый уровень анализа – приемная семья как воспитательное пространство. На данном уровне учитываются: демографический состав семьи (возраст приемных родителей и членов семьи), тип отношений, сложившийся между супругами, между родителями и кровными детьми, культура общения не только внутри семьи, но и в социуме. Принятие решение о возможности кандидата быть приемным родителем на данном уровне анализа следует оценивать с учетом физических и личностных свойств кандидата. Критерии выбора признаков отбора должны обосновываться с позиции обеспечения не только безопасности ребенка, принятого на воспитание, но и безопасности замещающей семьи в целом. Следует обращать внимание на профессию кандидата. Как показывает практика, замещающее родительство чаще выбирают представители социономических профессий: педагоги, социальные работники, воспитатели. Перечисленные профессии, по имеющимся в психологии данным, характеризуются высокой степенью риска профессиональной деформации личности, эмоционального и профессионального выгорания (Барабанова, 2011; Водопьянова, Старченкова, 2005; Дикая, 2015; Доценко, 2009; Зеленова, Кабаева, и др.). Учет такого рода информации удовлетворяет требованиям к безопасности воспитательного пространства семьи и контролю за возможными источниками неблагополучия, приводящими не только к отказу от ребенка, но и представляющих опасность для жизни и психологического благополучия как приемного ребенка, так и замещающей семьи в целом.

Второй уровень анализа рисков замещающей семьи предполагает оценку характера материальных и духовных потребностей, навыков распределения средств на удовлетворение этих потребностей семьи (в пище, одежде, предметах быта, образовательных и культурных нуждах). При отборе следует учитывать потребность кандидатов управлять образовательным и культурным развитием, их направленность на всестороннее развитие приемных детей. Особое внимание на данном уровне анализа следует уделить рентам установкам претендентов. В поле зрения специалистов, привлеченных для отбора приемных родителей, должен быть анализ степени преобладания и устойчивости данной установки в структуре потребностей кандидата, так как недостижение материальных устремлений часто приводит к переживаниям психологического неблагополучия (Эммонс, 2004). При рентной установке приемных родителей, согласно Э. Фромму, ребенок может воспринимать себя как товар, который обладает определенной ценностью на рынке и который можно выгодно продать или обменять (Фромм, 1990).

Третий уровень анализа замещающей семьи – это рассмотрение физического и духовного развития детей. При отборе приемных родителей исследуется потенциал семьи как организатора жизни и деятельности ребенка, установки и направленность на развитие личности ребенка. Здесь важным критерием потенциала приемной семьи выступает мировоззренческая позиция кандидатов, в которой основными признаками являются осознание возлагаемой на себя миссии и понимание всей ответственности за свой выбор. По мнению исследователей (Овчарова, 2006), успешное родительство тесно связано с такими понятиями, как ответственность, готовность и доверие. Работа аспирантки О. В. Рунец, показала, что, по сравнению со специалистами других помогающих профессий, кандидаты в замещающие родители в большей степени склонны к более детальному осмыслению разнообразных жизненных ситуаций и взвешенности принимаемых решений, что свидетельствует о социальной ответственности представителей данной группы (Рунец, 2015).

Подводя итоги, можно сказать, что анализ литературных источников, опыт собственных исследований и работа с кандидатами в замещающие родители явились базисом для разрабатываемого пилотного варианта профессиограммы специалиста-профессионала нового вида социально-экономической профессии «замещающий родитель». Работа над концептуальной моделью продолжается в рамках проекта РГНФ. Особое внимание направлено на разработку психогаммы, позволяющей получить портрет успешного профессионала в терминах психологии труда.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 3–18.

Алдашева А. А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 121–128.

Алдашева А. А., Махнач А. В. Социально-психологические предпосылки изучения профессии «приемный родитель» // Социальная психология труда. Теория и практика. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. Т. 2. С. 232–251.

Алдашева А. А., Иноземцева В. Е. Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 194–212.

Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Рунец О. В. Профессиональная компетентность замещающих родителей как фактор психологической безопасности приемных детей // 7-я Российская

конференция по экологической психологии: Тезисы / Отв. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 17–20.

Астахов П. России нужны профессиональные приемные семьи: Интервью каналу LifeNews. URL: <http://lifenews.ru/news/147986> (дата обращения 10.10.2015).

Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.

Гайсина Г. И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. М.: РГНФ, 2013.

Дикая Л. Г. Профессиональное выгорание и безопасность труда в социально-ориентированных профессиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 43–53.

Доценко О. В. Эмоциональная направленность как личностная детерминанта выгорания у представителей социэкономических профессий // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 509–534.

Зеленова М. Е., Кабаева В. М., Барабанова В. В. Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 40–53.

Котова Т. Е. Социально-психологические и личностные характеристики готовности к замещающему родительству: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2011.

Курфтык Е. В., Тихонова И. В. Приемная семья: особенности подбора и адаптации: Методическое пособие для специалистов служб сопровождения семьи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.

Ломов Б. Ф. Системность в психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.

Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В. Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.

Николаева Е. И. Психология семьи: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013.

Николаева Е. И., Япарова О. Г. Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37–43.

Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.

Ослон Н. В. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.

Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. М.: Питер, 2007.

Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви. М.: Педагогика, 1990.

Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.

Оценка эффективности системной семейной психотерапии Т. В. Алексеенко (Москва)

atv-psy@mail.ru

В статье обсуждаются проблемы и задачи оценки эффективности психотерапии, анализируются общие для различных психотерапевтических подходов компоненты и механизмы психотерапевтического воздействия – эмоциональная поддержка, инсайт, обратная связь и др. – с точки зрения их лечебного действия на разных этапах психотерапевтического процесса. Рассматриваются на примере практических случаев такие критерии оценки эффективности системной семейной терапии, как уменьшение симптоматики и удовлетворение явного и скрытого запросов.

Ключевые слова: *эффективность психотерапии, системная семейная психотерапия, работа с симптомом, явный запрос, скрытый запрос, изменения в семейной системе.*

С тех пор как в начале 50-х годов прошлого века Г. Айзенк «бросил вызов» практикующим психотерапевтам, эмпирически доказав, что по своим результатам психотерапия не эффективнее пребывания больных в психиатрических лечебницах без получения ими систематической психотерапии (Лаутербах, 1995; Карвасарский, 2002; Александров, 2009), в науке активно обсуждается вопрос оценки эффективности последней. Исследуются результаты работы психотерапевтов всех существующих школ и направлений, выделяются критерии оценки эффективности, выдвигаются требования, которые должны обеспечить научную обоснованность и объективность таких критериев.

Опубликованные в 1994 г. результаты мета-анализа исследований эффективности психотерапии, проведенного К. Граве с соавторами, поразили научный мир своей фундаментальностью, качеством и количеством исследованных работ. Из 3500 опубликованных за 30 лет (до 1984 г.) исследований психотерапии они отобрали 897 исследований психотерапии взрослых пациентов, проводимой различными методами и соответствовавших требованиям научного анализа, основанными на разных теоретических подходах, а также 41 исследование (до 1991 г.), в которых проводился сравнительный анализ эффективности разных видов психотерапии (Лаутербах, 1995; Александров, 2009).

Из выводов, сделанных К. Граве с сотрудниками относительно научно обоснованной эффективности когнитивно-поведенческого, гуманистического, психодинамического, психоаналитического, интерперсонального и других видов психотерапии, следует, что различия большинства ведущих направлений психотерапии гораздо меньше выражены, чем этого можно ожидать. Сравнительные исследования более позднего времени также показали, что психотерапевтическая эффективность разных подходов приблизительно одинакова (Калмыкова, Кэхеле, 2000).

Статистическое сопоставление таких видов психотерапии, как разговорная психотерапия по К. Роджерсу, психоанализ, семейная (системная и поведенческая) психотерапия и поведенческая терапия, проведенное Л. Граве с соавторами позволили сделать следующий вывод. Раскрывающие методы, помогающие клиенту ответить на вопросы, почему и как возникла проблема, по степени эффективности (силе эффекта) существенно «проигрывают» поддерживающим методам – методам семейной и когнитивно-поведенческой психотерапии, помогающим преодолевать жизненные проблемы клиента (Лаутербах, 1995). Ответ на вопрос «почему?» способствует лучшему пониманию клиентом самого себя (своих мотивов, потребностей, ценностей, своего поведения) и может стать действенной психотерапией для интеллектуального, образованного, успешного клиента с мало выраженной симптоматикой. Ответ на вопрос «зачем?» – ключевой в системной семейной терапии – открывает путь оказания помощи клиенту в преодолении проблемы, а, как отмечает В. Лаутербах, «большинству

пациентов нужна помощь в преодолении своих проблем, а не в обнаружении скрытых мотивов» (Лаутербах, 1995, с. 41).

При доказанной равнозначности выраженности эффекта основных психотерапевтических направлений для каждого из теоретически обоснованных методов психотерапии выявляется симптоматика или заболевания клиента, в терапии которых этот метод является эффективным. Однако большинство психотерапевтических школ претендует на лечение не определенных патологических состояний, эффективность психотерапии которых собственными методами продемонстрировало и доказало, а претендует на компетентность в терапии большинства патопсихологических и социально-психологических «диагнозов» пациента. На практике мы сталкиваемся с ситуацией, когда клиент попадает к психотерапевту той или иной направленности в большей степени «волей случая». Эта претензия катализирует процесс поиска *общих факторов психотерапии*, детерминирующих улучшение состояния пациента (клиента), а также способствует процессам *интеграции* психотерапевтических методов, имеющих в своей основе различные теоретические позиции.

В дискуссии по вопросу разработки критериев эффективной психотерапии авторы выдвигают ряд условий, которым эти критерии должны удовлетворять. Многие исследователи сходятся во мнении, что они должны достаточно полно характеризовать наступившие у клиента изменения не только непосредственно к концу терапии, но и пролонгированно – в катанезе в трех сферах: соматической, психологической и социальной. Оценка эта должна производиться как с объективной позиции – желательно сторонним исследователем, а не самим психотерапевтом, так и с субъективной – самим пациентом (Карвасарский, 2002).

Наблюдаемые в последние десятилетия процессы интеграции в психотерапии ставят и задачу дополнительного анализа *факторов лечебного действия психотерапии*, анализа механизмов, с помощью которых психотерапевт добивается желаемых изменений в мышлении и поведении пациента. Эти категории описываются авторами по-разному – в соответствии с используемым теоретическим подходом и особенностями применения форм психотерапии (индивидуальной, групповой, семейной). А. А. Александров предлагает содержательную сборную классификацию, составленную на основе взглядов таких авторов, как Р. Корзини и Б. Розенберг, И. Ялом, С. Кратохвил (Александров, 1997). Представим данную классификацию в виде таблицы (см. таблицу 1).

За основу взято отнесение Р. Корзини девяти факторов лечебного действия психотерапии, описываемых им как наиболее важных при групповой психотерапии, к трем сферам – когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Как отмечал Р. Корзини, когнитивные факторы лечебного действия психотерапии сводятся к древней как мир заповеди «познай себя», эмоциональные – к «любви ближнего своего», поведенческие – к «делай добро» (Александров, 1997).

При описании факторов лечебного действия приводится альтернативная терминология, используемая другими авторами при описании схожих феноменов. Например, такой механизм, как перенос, основанный на эмоциональных связях между пациентом и психотерапевтом или между участниками психотерапевтической группы, близок по своим сущностным характеристикам к понятию «коррективный эмоциональный опыт» Ф. Александера, и к понятию «коррективное повторение первичной семьи» И. Ялома. Мы не смогли не добавить к выделяемым Р. Корзини факторам основанный на эмоциональном отреагировании «катарсис» как один из важнейших факторов, выделяемый И. Яломом и другими авторами.

В представленной таблице мы попытались отразить и некоторое соотнесение факторов лечебного действия. Так, «инсайт», относясь к когнитивному научению, вместе с эмоциональным коррективным опытом и опытом нового поведения объединяется И. Яломом в категорию интерперсонального научения (Александров, 1997). Мы взяли на себя смелость предположить, что факторы «представления информации», «эмоционального отреагирования» и «обратной связи» посредством запуска соответствующих им механизмов позволяют достичь в психоте-

рапии изменений неадекватного поведения, названных И. Яломом «первым витком адаптационной спирали», которая зарождается внутри психотерапии, а потом выходит за ее пределы. Рассматриваемые с позиции соотнесения с динамикой психотерапевтического процесса факторы «универсальности», «эмоциональной поддержки» – «альтруизма» и «самораскрытия» могут выступать в качестве основы построения психотерапевтической системы (в терминологии системной психотерапии), имея свое особое значение на начальном этапе терапии.

Представленная попытка расширить анализ факторов и механизмов терапевтического процесса, ведущих клиента к изменениям, целиком соотносится с гипотезой о том, что «различные терапии включают в себя определенные общие для всех компоненты, оказывающие лечебное воздействие, хотя и не занимают центрального места в присущем данной школе теоретическом обосновании психотерапевтического изменения» (Александров, 2009, с. 33). Однако выделение критериев оценки эффективности каждого из направлений психотерапии исходит из особенностей подходов психотерапевтических школ к цели и задачам этого процесса, а также из трактовки понятия «симптом» и часто связанного с ним понятия «запрос» на терапию.

Как отмечает А. В. Черников, существующие различия в определении цели семейной психотерапии практиков разных направлений не мешает им прийти к согласию по поводу минимальной задачи терапии, определяемой как «решение представленных семейных проблем и облегчение симптомов без возникновения новых симптомов у каких-либо членов семьи» (Guegin, 1976, цит. по: Черников, 2001, с. 93).

Таблица 1

Факторы лечебного действия психотерапии (классификация на основе Р. Корзини, Б. Розенберга, И. Ялома, С. Крадохвила)

Сферы направленности механизмов изменений			
когнитивная	эмоциональная	Поведенческая	
«Универсальность» («чувство общности»): осознание пациентом универсальности его проблем, того, что он не одинок в своих страданиях	«Эмоциональная поддержка» («принятие», «акцептация», «фактор сплоченности», «пущение надежды»): создание климата психологической безопасности «Альтруизм»: ощущение своей необходимости и полезности для остальных	«Самораскрытие» («самоэкспларация», «окно Джогари», «самооценка»): в процессе психотерапии стимулируется открытость, пациент раскрывает себя, проясняя скрытые мысли, желания, переживания	Основа построения психотерапевтической системы
«Представление информации» («обучение поведением»): пациент учится, наблюдая и познавая закономерности человеческого отношения, может взглянуть на одну и ту же вещь с разных сторон	«Эмоциональное отреагирование» («катарсис»): сильное проявление аффектов создает основу или предпосылки для изменений	«Интеракция» («обратная связь», «конфронтация»): на основе дифференцированной обратной связи пациент может научиться дифференцировать свое поведение	«Первый виток адаптационной спирали»
«Осознание» («инсайт»): осознание пациентом неосознаваемых прежде связей между особенностями своей личности и коренящихся в далеком прошлом причин с неадаптивными способами его поведения	«Перенос» («коррективный эмоциональный опыт», «коррективное повторение первичной семьи»): благодаря интенсивному переживанию актуальных отношений и ситуаций происходит коррекция неправильного обобщения	«Проверка реальности» («проверка нового поведения», «обучение новым способам поведения», «адаптационная спираль», «имитирующее поведение», «моделирование»): обучение новым способам поведения	«Категория интерперсонального обучения»
«Познай себя»	«Люби ближнего своего»	«Делай добро»	

Пример. За помощью обратилась семья из трех человек: папа, мама и дочь 11 лет (носитель симптома). Симптом – утренняя тошнота, рвота, появляется в момент сборов в школу. Симптом отсутствует во второй половине дня и в выходные. Обследования у гастроэнтерологов и педиатров показали, что девочка здорова и нет никаких соматических причин для таких ее болезненных состояний. Родители сделали вывод, что это «точно психосоматика», и с таким запросом пришли к психологу. На сессии при исследовании проблемы выявилось циркулярное взаимодействие членов семьи, включающее симптом. Утром, с момента появления «болезненного состояния» дочери и до «4–5-го урока» (примерно с 8 до 12 часов), мама настойчиво «решает проблему», стараясь привести физическое состояние дочери к удовлетворительному и «отправить дочь в школу». Это вызывает у мамы сильное раздражение. Особенно в те дни, когда ей необходимо идти на работу в офис. Из-за этих проблем она перенесла всю возможную работу домой, а при необходимости выехать на работу ей приходится «вызывать» мужа, отрывая того от его работы. В этих случаях папа «сменяет на посту» маму, продолжая (более спокойно) попытки приведения дочери в «рабочее состояние». К 12

часам родители понимают, что в школу дочери идти уже бессмысленно. Все успокаиваются. Состояние дочери нормализуется, она способна даже обедать, после чего мама с дочерью до вечера «делают уроки». До следующего утра дочь чувствует себя великолепно. Вечером мама вынуждена еще выполнять свою работу. Папа, придя с работы, «помогает по хозяйству» и проводит время с дочерью. «После отбоя» дочери у родителей «нет сил ни на что».

Из выявленных особенностей структурных параметров этой семьи стоит упомянуть размытость границ супружеской и детской подсистем и перевернутую иерархию. Раскрыв символический смысл симптома для этой семьи (в том числе через дразнилки девочки одноклассниками на тему токсикоза при беременности и «от чего наступает беременность»), выйдя в сферу отношений в супружеской подсистеме, психотерапия семьи подошла к связи между «психосоматикой» дочери и проблемами интимных отношений супругов. Поскольку супруги приняли решение «сделать еще один шаг» в терапии, психотерапевт «отправил девочку за дверь», тем самым воздействуя на границы подсистем семьи и существующую иерархию.

С родителями был заключен контракт на следующую встречу по запросу относительно супружеского взаимодействия. Когда девочку вернули в комнату, семье было дано домашнее задание: до следующей встречи с психотерапевтом родителям – утром дочь не будить, в школу не отправлять («она все равно там практически не бывает»), дочери – делать уроки дома в полном объеме, как обычно. Взрослым было дано еще одно задание на укрепление супружеской подсистемы, втайне от дочери (главным была форма подачи – «у взрослых есть свои тайны»).

Накануне назначенной встречи позвонил папа и сообщил, что они не смогут прийти из-за болезни жены и что первое задание они не выполнили, поскольку дочь на следующий день после встречи с терапевтом утром встала сама, собралась и ушла в школу. И за прошедшие 6 дней на приступы тошноты не жаловалась. Встречу супругов перенесли. Однако и на нее супруги не пришли: позвонила мама и радостным, уверенным тоном сообщила, что с девочкой с «того дня все замечательно», уже скоро месяц как ходит в школу, без проблем; в связи с этим мама «вернулась в работу» и у нее столько дел, что совсем нет времени выбраться на психотерапию; о задании «для взрослых» они сначала забыли, а теперь «как-то некогда».

М. А. Бебчук и Е. А. Рихмаер предлагают все многообразие существующих психотерапевтических подходов классифицировать, по признаку единицы психокоррекционного воздействия на подходы, ориентированные на симптом (проблему), на личность, на систему (семью, группу, организацию). С точки зрения первого подхода, в котором ставится задача воздействия на симптоматическое поведение и результатом психотерапии является избавление от симптома, рассмотренный случай является примером эффективной психотерапии. Но давайте посмотрим с другой позиции – с точки зрения системной терапии. Основной единицей психотерапевтического воздействия тогда будет выступать семья, а основной задачей – изменение особенностей ее коммуникативных и структурных параметров и *переход семейной системы на иной, более функциональный уровень* жизни. И с этой точки зрения, избавление от симптома дочери не позволяет нам уверенно говорить об эффективности проведенной работы. Семья «заменяет» один симптом другим: похоже, что мама стала «трудоголиком», чтобы супруги и дальше «не имели возможности» решать назревшую в супружеской подсистеме проблему. Закон гомеостаза пока «победил» закон развития системы и в дальнейшем вполне вероятно появление новых стабилизаторов в этой семейной системе.

Вопрос о *непосредственных и долгосрочных эффектах психотерапии* в системной семейной терапии может звучать, согласно метафоре Ф. Кливера «Семейная пара, живущая в доме с трещинами в стене, может их оштукатурить и оклеить обоями, что даст краткосрочное решение проблемы. Пара может выбрать другое направление и, прежде всего, укрепить фундамент, чтобы стены не трескались; это – более надежный подход с долговременным результатом» (Кливер, 2005, с. 338).

Системная теория изменений говорит об изменениях первого (*адаптация*), второго (*метаадаптация*) и третьего (*сдвиги в самовосприятии системы*) порядка (Черников, 2001). Адаптация не затрагивает структуру и основные правила функционирования системы и, если проблема серьезная, она не приводит к возвращению нормального функционирования семьи. Метаадаптация предполагает изменение организационных основ системы, происходит переструктурирование семьи, что, в свою очередь, приводит к желаемому результату в психотерапии. Сдвиги в самовосприятии системы, в том числе своей способности к изменениям, безусловно, помогают семейной системе обрести (восстановить) свою функциональность, перейти на следующую фазу развития, эффективно решать стоящие перед ней задачи.

Пример. *На прием к семейным психотерапевтам (работающим в котерапии) пришла семья – мама, папа и дочь 15 лет. Два года родители «боролись» с проблемным поведением дочери – проведением ею времени в «дурной компании» подростков. «Что только ни делали», «к кому только не обращались за помощью» (к слову, на прием к психотерапевту семья собиралась прийти около года), ничего не помогало: дочь оставляла компанию на неделю, не больше, а потом «все возвращалось». Пару месяцев назад девушка приняла решение окончательно разорвать отношения с этой компанией и до сих пор «держится: проводит вечера дома, снова послушная, хозяйственная, замечательная дочь, даже стала сама зарабатывать на свои карманные деньги – водит соседскую девочку в художественную школу». На вопрос, для чего в такой ситуации семья пришла к психологам, родители ответили: «понять, почему было так, как было, чтобы больше не допустить возвращения дочери в ту дурную компанию».*

Для удовлетворения такого запроса семье был предложен контракт на две встречи. При помощи техник системной семейной психотерапии (циркулярного интервью, скульптуры семьи, волшебных вопросов и др.) психотерапевты подвели членов семьи к осознанию связи между привычно дистантными отношениями родителей и проблемным поведением дочери, которое сблизало родителей, вынужденных вдвоем спасать дочь. Стала ясна циркулярная последовательность и ключевые события, запускающие проблемное поведение. Предъявленный семьей запрос был удовлетворен.

Оценивая проведенную работу, котерапевты разошлись во мнениях: один считал ее вполне эффективной, другому мешало «смутное чувство тревоги», проанализировав которое он пришел к выводу, что в работе был упущен важный момент – котерапевты так и не выявили скрытый запрос семьи, формулирование и удовлетворение которого обычно ведет к повышению функциональности семейной системы. Волей случая этот момент прояснился буквально на следующий день. Живя в одном районе с семьей клиентов, психолог увидел в одном из дворов компанию подростков, курящих и распивающих алкогольные коктейли, среди них – ту самую девушку. Скрытый запрос зазвучал следующим образом: «Верните нам наш симптом!»

Именно исчезновение симптома, стабилизовавшего последние годы семейную систему, испытывающую трудности при переходе к следующей стадии своего жизненного цикла, трудности в решении задачи сепарации повзрослевшей дочери, привело эту семью к специалистам. Поняв, «как это работало», семья получила возможность «вернуть все, как было», восстановить status quo.

Подводя итоги представленного анализа частных вопросов проблемы эффективности психотерапии, мы можем представить следующие *выводы*.

1. Наблюдаемые в последние десятилетия процессы интеграции в психотерапии ставят задачу дополнительного анализа факторов лечебного действия психотерапии и анализа механизмов, с помощью которых психотерапевт добивается желаемых изменений в мышлении, поведении клиента. Некоторым подтверждением гипотезы о том, что различные психотерапевтические подходы включают в себя определенные общие для всех компоненты, оказывающие лечебное воздействие, служит сопоставительный анализ когнитивных, эмоциональных и поведенческих факторов, выделяемых этими подходами, и соотнесение их с этапами психотерапии.

2. Факторы лечебного воздействия «универсальность», «эмоциональная поддержка» – «альтруизм», «самораскрытие», могут выступать в качестве основы построения психотерапевтической системы, имея особый вес и значение на начальном этапе психотерапии. Факторы «представление информации», «катарсис» и «обратная связь» позволяют достичь в психотерапии первичных изменений основ организации семейной системы, ее переструктурирования, как основной задачи следующего этапа психотерапевтического процесса. На завершающем этапе психотерапии особый статус приобретают факторы «осознание», «коррективный опыт», «проверка нового поведения», приводящие к изменениям в самовосприятии системы и создающие условия для долгосрочного психотерапевтического эффекта. 3. Общая теория систем, обогатив теорию и практику психотерапии, одновременно подняла планку для психотерапии в вопросах ее целей, задач, критериев оценки ее эффективности. Одним из решающих в психотерапии становится вопрос: зачем у пациента как члена семейной появляется и закрепляется в поведении конкретный симптом.

Литература

- Александров А. А.* Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009.
- Александров А. А.* Современная психотерапия: Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997.
- Бибчук М. А., Рихмаер А. Е.* Симптом. Личность. Система. URL: http://www.familyland.ru/library/sciencearticle/sciencearticle_66.html?-template=26 (дата обращения 12.10.2015).
- Калмыкова Е. С., Кэхеле Х.* Психотерапия за рубежом: история и современное состояние (краткий обзор) // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 88–99.
- Кливер Ф.* Слияние и дифференциация в браке // Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / Под ред. К. Бейкер, А. Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2005. С. 305–338.
- Лаутербак В.* Эффективность психотерапии: критерии и результаты оценки // Психотерапия: От теории к практике: Материалы I съезда Российской психотерапевтической ассоциации. СПб.: Изд-во Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995. С. 28–41.
- Психотерапия: Учебник. 2-е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2002.
- Черников А. В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

Актуализация субъектного потенциала родителя во взаимодействии с ребенком² А. Д. Андреева, Л. А. Бегунова (Москва)

alladamirovna@yandex.ru lab6510@list.ru

В статье представлен анализ субъект-объектных и субъект-субъектных коммуникаций в детско-родительских отношениях на примере частного случая психотерапевтической работы с родителем. Показано, что формирование объектного типа взаимодействия с ребенком, когда детско-родительские отношения направлены на подчинение родителю, на игнорирование внутреннего мира детей, что связано с повторением родителем семейного сценария, его личностной незрелостью и дисфункцией родительской ответственности. В ходе психотерапевтической актуализации субъектного потенциала родителя скорректирован тип взаимодействия родителя с ребенком, усвоенный первым в его родительской семье. Поставлена проблема диагностики уровня субъект-объектности в детско-родительских отношениях и актуализации потенциальных ресурсов субъект-субъектного типа взаимодействия в семье. Обсуждается феномен родительской ответственности, способствующей развитию личности ребенка и стимулирующей достижение им более высоких результатов.

Ключевые слова: *родительская ответственность, дисфункциональная семья, детско-родительские отношения, образ семьи, субъект-объектный тип взаимодействия, субъект-субъектный тип взаимодействия.*

Развитие субъектной парадигмы в постнеклассической психологии представлено системно-субъектным подходом и психологией человеческого бытия, которые естественным образом связаны с психологией развития и психологией семьи (Сергиенко, 2008, 2011; Знаков, 2013; и др.). На современном этапе в социальной и клинической психологии семьи существует множество теоретически разнородных подходов к объяснению механизмов функционирования семьи как системы, раскрывающих особенности супружеских и детско-родительских отношений, причины семейных конфликтов и разводов (Варга, 2001; Лидерс, 2007, 2011; Никольская, 2015; Эйдемиллер, 2003; и др.).

Эволюционный подход предполагает развитие субъектности с самых ранних этапов психического развития человека. Е. А. Сергиенко подчеркивает, ссылаясь на труды А. В. Брушлинского, что раскрытие природы целостности субъекта указывает «на неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека, начиная с пренатальной стадии, когда появляются самые первые, простейшие психические явления у еще не родившегося младенца» (Сергиенко, 2002). В ряде исследований представлены данные о зарождающейся субъектности детей, их способности организовывать психологические ресурсы для достижения цели, и подчеркивается роль средовых факторов, среди которых особенности родительского отношения влияют на скорость и траектории развития контроля поведения (Виленская, 2008; Сергиенко, 2013).

В. В. Знаков определяет предмет психологии бытия как «смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру» (Знаков, 2013). Приоритетным здесь становится изучение целостных единиц событий, «в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире» (Знаков, 2013). Системное отношение субъекта психической активности (человека или другого существа) и окружающей среды, представляющей ее субъекты, является методологическим основанием экопсихологического подхода к развитию психики (Панов, 2014). В рамках системно-субъектного подхода

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00685.

субъект-субъектная или субъект-объектная коммуникация представляют коммуникативную функцию субъекта (Сергиенко, 2011, 2012). В. В. Знаков, раскрывая понятия субъект-объектных и субъект-субъектных коммуникаций, рассматривает их в связи с выраженностью маскулинных и фемининных признаков человека и макиавеллизмом. Люди с выраженными маскулинными качествами склонны к субъект-объектному типу коммуникаций, т. е. они чаще интерпретируют слова других людей «как проявление излишней опеки над собой, стремление командовать, манипулировать», подозревают, «что другие люди обращаются с ним/ней не как с равноправной личностью, субъектом познания и общения, а как с «вещью», объектом, не имеющим своего внутреннего мира, который следует принимать во внимание и уважать». При выраженности фемининных признаков люди ориентированы на диалогическое общение, которое «включает убеждение человека в том, что, если собеседник что-то говорит, то он обращается к нему как равноправному партнеру, подлинному субъекту общения», т. е. преобладает субъект-субъектный тип коммуникации. Люди с высоким значением показателя макиавеллизма больше склонны понимать высказывания по субъект-объектному типу, а с низким значением – по субъект-субъектному (Знаков, 2002). В. И. Панов выделяет три типа экпсихологического субъектного и объектного взаимодействия, где за субъектность принимается активность (инициативность), а за объектность – реактивность (формальность) взаимодействия: 1) объектно-объектное, т. е. формальное общение; 2) объектно-субъектное или субъект-объектное, когда лидер в позиции субъекта подчиняет себе объект; 3) субъект-субъектное, когда обе стороны активно взаимодействуют друг с другом (Панов, 2011). Таким образом, в зависимости от разных ситуаций, в которых оказывается человек, может меняться его тип взаимодействия с окружающими, однако существуют личностные предпосылки к преобладающему типу взаимодействия субъект-объектному и субъект-субъектному (Знаков, 2002).

Семейная среда рассматривается как многомерное социальное образование (Панов, 2011). Исследование особенностей модели семьи как социального института и как генетически первичной среды воспитания ребенка необходимо для определения направлений психологической поддержки (Вовчик-Блакытна, 2012). Исследования семейной среды в качестве основы для развития и реализации регуляции поведения, проведенные с позиций системно-субъективного подхода, подчеркивают значение повседневного взаимодействия между родителями и детьми, в них обращается «внимание на родительскую ответственность за собственное поведение, самоорганизацию, саморегуляцию, которые могут являться основой для адаптации и жизненной уверенности их детей» (Ковалева, 2012). Фактором риска личностного развития ребенка и его субъектности может выступить переживание чувства эмоциональной отчужденности родителей, а также любое воздействие на него со стороны воспитателя, когда ребенок выступает в качестве объекта каких бы то ни было психологических воздействий: например, перфекционистских (Андреева, 2015), т. е. взаимодействие ребенка и среды осуществляется в субъект-объектном типе или, по определению Е. О. Смирновой, предметном (Смирнова, 2010). Поэтому остаются актуальными исследования возможности снижения данного фактора риска, т. е. объектного типа родительского отношения к ребенку.

С этой целью предпринято эмпирическое исследование психологической коррекции объектного типа родительского воздействия. В качестве *объекта* исследования, осуществленного в формате работы со случаем, выступила семейная история Татьяны Г., 32-х лет, матери 12-летнего сына. *Предмет* исследования – актуализация в ходе консультативной сессии потенциальных ресурсов субъектности родительско-детского взаимодействия. *Гипотеза исследования* – представляется возможным, используя определенную технику психологического консультирования, сформировать субъектный тип отношения к ребенку у родителя, находящегося с этим ребенком преимущественно в объектном взаимодействии.

Консультации Татьяны Г. проходили в рамках системного подхода семейной психотерапии с использованием следующих методов: беседа, опросники «Родительский перфекцио-

низм», «Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири»; генограмма, семейная социогамма; рисуночные тесты (Андреева, 2015; Варга, 2001; Венгер, 2001; Лидерс, 2007; Никольская, 2010; Собчик, 1990).

В результате психологического обследования Татьяны Г. были выявлены симптомы дисфункциональной (неэкологичной) семейной среды, в которой воспитывалась клиентка. Ниже представлены часть этих симптомов (условий среды), в которых росла девочка, и показано, как эти симптомы трансформировались в ее взрослой жизни:

а) Родительская семья Татьяны Г.: 1) По семейной легенде, до заключения родителями брака тетка отца («к ней все ездили на поклон») дала согласие на свадьбу с условием, что ей отдадут на воспитание первого родившегося ребенка. На момент рождения Татьяны Г. тетка умерла, а девочка из-за «бытовых проблем» была отдана на проживание родителям матери, у которых она жила до семи лет. Вместе с родителями всегда жила ее младшая на год сестра; 2) Супружеские отношения родителей были конфликтными, после окончания Татьяной Г. средней школы родители развелись; мать повторно удачно вышла замуж, а у отца отношения не сложились, и он ведет маргинальный образ жизни. Супружеские отношения бабушки и дедушки, у которых до семи лет проживала клиентка, также были и остаются конфликтными; 3) Проживая с бабушкой и дедушкой, Татьяна Г. неоднократно слышала разговоры о том, что если бы они с сестрой были мальчиками, то родители жили бы дружно. В семье детей одевали в одежду стиля «unisex».

б) Собственная семья Татьяны Г.: 1) двенадцатилетний сын клиентки с годовалого возраста постоянно проживает с отцом. Через два месяца после рождения ребенка Татьяна Г. устроилась на работу и бросила институт; за сыном стал ухаживать муж, продолжавший учебу в мединституте. Уходя от мужа, когда ребенку исполнился год, Татьяна Г. забрала мальчика, но практически сразу «отдала» отцу, мотивировав это тем, что отец ребенка – врач и он лучше, чем она, помогал мальчику во время приступов астмы; 2) Примерно два раза в месяц Татьяна Г. забирает сына на выходные и ездит с ним в загородный дом к бабушке и дедушке, у которых она жила до семи лет. Часто оставляет его с ними, с прабабушкой и прадедушкой мальчик проводит летние каникулы. К моменту обследования Татьяна Г. старалась ограничивать общение мальчика с прабабушкой и прадедушкой, так как услышала от них «упреки» в адрес мальчика в том, что он очень «похож на девочку, занимается танцами и посещает художественную школу»; 3) У Татьяны Г. успешно сложилась карьера; после 25 лет она увлеклась тяжелой атлетикой и борьбой, стала мастером спорта. После расставания с мужем у нее были устойчивые отношения с тремя мужчинами. Татьяна Г. рассказала, что хотела бы родить второго ребенка и воспитывать его «как все», но постоянно проживать с сыном не хочет, несмотря на то, что перестала «бояться» его приступов астмы, рецидивы которых связан у мальчика с ее домашними питомцами (попугаями).

Таким образом, в семье Татьяны Г. прослеживается: 1) повторение сценария, созданного, согласно семейному мифу, еще до ее рождения: проживание ребенка отдельно от матери; нарушение эмоционального контакта между матерью и ребенком; 2) нарушение половой идентификации и ролевого поведения Татьяны Г. (идентификация с маргинальной ролью отца), выраженные черты маскулинности и макиавеллизма, поощряемые в семье бабушки и дедушки; опасения по поводу нарушений в поло-ролевом поведении сына; 3) стремление компенсировать родительскую ответственность, «отыграть» роль матери рождением второго ребенка.

По результатам диагностики типов межличностных отношений (тест Т. Лири) получены низкие показатели по шкале «подчиняемость» (3 балла), умеренные показатели агрессивности (6 б.), подозрительности (8 б.), зависимости (7), дружелюбия (8) и альтруистичности (7), высокий показатель авторитарности (11) и экстремальный показатель эгоистичности (13). Таким образом, для Татьяны Г. характерен властно-лидирующий и независимо-доминирующий типы межличностных отношений, что дает основание считать ее склонной к установлению субъ-

ект-объектного типа взаимодействия (Мусликова, Карпушина, 2011). По результатам опросника «Родительский перфекционизм», получен средний показатель уровня родительского перфекционизма – 8 баллов, т. е. Татьяна Г., несмотря на доминантность и эгоизм, склонность строить «объектные», подчиняющие себе отношения с окружающими, в общении с ребенком старается проявлять «конструктивный перфекционизм», способствующий развитию ребенка. Она стремится к «субъектному» взаимодействию с сыном, которое стимулировало бы его к достижению более высоких результатов, но не приводило бы к негативным психологическим переживаниям (Андреева, 2015). Однако в реальности отношения Татьяны Г. с 12-летним сыном дисфункциональны, что связано со средой, в которой она росла. Но, несмотря на нарушения в отношениях между матерью и сыном, нежеланием Татьяны Г. принимать на себя функции родительской ответственности, «идеальный» образ семьи у нее связан с присутствием сына. По методике «Семейная социограмма» (Никольская, 2010), в «идеальной семье» Татьяны Г. нарисовала на первом плане себя вдвоем с сыном, а затем в отдалении «предполагаемых» мужа со вторым ребенком и подчеркнула, что на данный момент ей наиболее комфортно, когда она вдвоем с сыном. Потенциально испытываемая стремится к «субъектному» взаимодействию с сыном, не вызывающему у ребенка негативных психологических переживаний, в реальности же она не способна к такому взаимодействию и остается в границах объектного типа отношений, обусловленных родительской семьей, в которых она росла, усвоив объектный тип родительского воздействия в отношении ребенка. Выявленный конфликт испытываемой явился основанием для психологического коррекционного воздействия.

Наиболее информативным приемом диагностики стала работа с рисунками «Сон, который меня взволновал» и «Сон, который повторяется», где у Татьяны Г. присутствовал сюжет о том, что она держит в руках предмет, который ей не нужен, но она не может выпустить его из рук. Рисуя и проговаривая сон, Татьяна Г. самостоятельно идентифицировала этот предмет с образом сына. Произошло, таким образом, «порождение актуальной психической реальности», в которой общение с сыном приняло межличностный характер. В отношении к ребенку мать осознала, что ее сын так же одинок в семье, как и она в ее детских и взрослых отношениях с родителями. Эта мысль легла в основу переоценки ею жизненных ценностей и появлению «субъект-субъектного» в варианте «субъектно-порождающего» и возможно «субъектно-совместного» типа взаимодействия между взрослым и ребенком (Панов, 2014).

Таким образом, по результатам анализа случая коррекции субъект-объектной родительской позиции, показана возможность изменения типа взаимодействия родителя, усвоенного им в его родительской семье. Объединение присущих Татьяне Г. маскулинного с феминным типов взаимодействия способствовало снижению эмоционального напряжения в общении с сыном. Коррекционный эффект достигнут благодаря актуализации субъектного потенциала испытываемой. Проблема диагностики актуального уровня субъект-объектности в родительско-детских отношениях нуждается в разработке специализированного инструментария. Выявление потенциала развития субъектности представляется важной задачей для эффективной работы с семьями, создания методик комплексной оценки системных семейных ресурсов и жизнеспособности семьи в русле существующих в отечественной психологии теоретических подходов (Махнач, Постылякова, 2012) и может, в свою очередь, обогатить эмпирический арсенал системно-субъектного подхода.

Литература

Андреева А. Д. Перфекционизм современных родителей как дисфункция чувства ответственности // Человек как предмет междисциплинарного гуманитарного познания: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 245–250.

Варга А. Я. Системная семейная психотерапия: Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.

Венгер А. Л. Психологическое консультирование и диагностика. Ч. 1–2. М.: Генезис, 2001.

Виленская Г. А. Роль взаимодействия с родителями в раннем онтогенезе контроля поведения // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2008. № 2 (2). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/component/content/article/16-n2-2/102-vilenskaya2.html> (дата обращения: 28.09.2015).

Вовчик-Блакытна Е. А. Одиночество ребенка как маркер неэкологичности семейной среды // 6-ая Российская конференция по экологической психологии: Тезисы. Москва, 25–26 октября 2012 г. / Научн. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. С. 80–81.

Знаков В. В. Субъект-объектные и субъект-субъектные типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 144–160.

Знаков В. В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.

Ковалева Ю. В. Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 521–528.

Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи: Учеб. пособие-практикум для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. 2-е изд., стер. М.: ИЦ «Академия», 2007.

Махнач А. В., Постылякова Ю. В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.

Минаева О. А., Лидерс А. Г. Методологические основы представлений о семье // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 71–87.

Мусликова М. Р., Карпушина Л. В. Влияние социально-психологических характеристик супругов на уровень удовлетворенности браком // Экопсихологические исследования / Под ред. В. И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 221–232.

Никольская И. М., Пушина В. В. Семейная социограмма в психологическом консультировании: Учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2010.

Панов В. И., Капцов А. В. Экопсихологические типы коммуникативного взаимодействия: социально-психологический аспект. Экопсихологические исследования / Под ред. В. И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 221–232.

Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М. – СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014.

Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

Сергиенко Е. А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–310.

Сергиенко Е. А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 16–27.

Сергиенко Е. А. Развитие психологии субъекта и субъект развития // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–131.

Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Конфликтные дети. М.: Эксмо, 2010.

Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири: Метод. руководство. М.: Московский кадровый центр при Главном управлении по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома. Консультационная фирма, 1990.

Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2003.

Взаимосвязь характеристик семьи и психологических особенностей ребенка, перенесшего онкологическое заболевание

Г. Л. Будинайте, И. А. Геронимус, Л. Б. Коган-Лернер, А. В. Кондрашева, Н. Н. Перевознюк (Москва)

ltnr4@gmail.com

Целью исследования явилось изучение психологической адаптации ребенка, перенесшего онкологическое заболевание и находящегося на этапе ремиссии, в контексте особенностей функционирования семьи. В пилотажном эмпирическом исследовании были выявлены взаимосвязи между психологическими особенностями ребенка и эмоциональным состоянием матери ребенка: уровнем агрессивности матери и частотой и значимостью социальной поддержки ребенка, уровнем тревожности матери и степенью тревожности ребенка, уровнем фрустрации матери и познавательной активностью ребенка; а также между психологическими особенностями ребенка и структурной организацией семьи: семейной сплоченностью и частотой социальной поддержки, уровнем адаптации семьи и самооценкой ребенка во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: *хронические соматические заболевания, социально-психологическая адаптация, онкологические больные, психологическая помощь семье, семейная система, структура семейной системы.*

За последние годы накоплен значительный объем данных о психологических и медицинских аспектах хронических заболеваний у детей. Однако преимущественно исследования нацелены на заболевание в острой фазе. Условия благополучной психологической адаптации ребенка, находящегося уже на этапе ремиссии, остаются малоизученными. Очевидно при этом, что процесс социально-психологической адаптации ребенка, перенесшего онкологическое заболевание, невозможен без учета семьи ребенка и существующих в ней семейных взаимоотношений.

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи психологических особенностей ребенка, пережившего онкологическое заболевание и находящегося на этапе ремиссии (его самооценки, эмоционального состояния, восприятия эмоциональной поддержки от других) с особенностями структурной организации его семьи, эмоциональным состоянием матери ребенка.

Выборка

Исследование проводилось с октября 2014 г. по май 2015 г. на базе ЛРНЦ «Русское поле». Выборка состояла из 23 детей (14 мальчиков и 9 девочек) с диагнозами ОЛЛ (общий лимфобластный лейкоз) (n=21), лимфома (n=2). Возраст детей – от 10 до 16 лет. Средний возраст хронически больных детей – 12 лет. Возраст матерей: от 33 до 50 лет, средний возраст – 41 год.

Методы исследования

Для исследования особенностей структурной организации семьи использовался Шкала семейной гибкости (адаптации) и сплоченности Олсона (FACES-3) (Лидерс, 2008), в которой первый параметр характеризует, гибкость реагирования семейной системы при воздействии на

нее стрессоров, а второй – степень эмоциональной связи между членами семьи. Для исследования «эмоционального» состояния использовалась методика «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка (Дмитриев, 2010). Эти методики заполнялись матерями детей. Ребенку предлагались:

– *опросник Г. Айзенка* (Дмитриев, 2010), направленный на изучение психических состояний личности: тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность;

– *шкала социальной поддержки детей и подростков* К. Малецки (Лифинцева, Рязгунова, 2013), который выявляет оценку ребенком частоты и степень важности различных форм социальной поддержки, получаемой им от его социального окружения – родителей, учителей, одноклассников, друзей (Белаконь, Минакова, 2013). Оценка частоты состоит из 6-балльной шкалы Лайкерта – от 1 (никогда) до 6 (всегда). Оценка субъективной значимости состоит из 3-балльной шкалы Лайкерта – от 1 (неважно) до 3 (очень важно);

– *шкала оценки своей компетентности С. Хартер* (Чернышева, 2012) описывающей оценку ребенком успешности («компетентности», «умелости») в различных сферах его деятельности (в познавательной деятельности (учебе), общении со сверстниками, занятиях спортом, подвижных играх).

Полученные данные обрабатывались методом корреляционного анализа с использованием статистической программы SPSS (22 версия). Для выявления взаимосвязи между параметрическими переменными (показатели по шкалам методик К. Малецки, С. Хартер и Г. Айзенка) использовался коэффициент корреляции Пирсона, для выявления взаимосвязи между непараметрическими переменными (сплоченности и адаптации семейной системы) – коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязи между следующими переменными:

– уровень агрессивности матери и частота предоставляемой поддержки (т. е. оценкой ребенка того, насколько часто он получает поддержку от его окружения) ($r=0,428$; $p=0,041$);

– агрессивность матери и значимость социальной поддержки (оценка ребенком того, насколько важна ему поддержка социального окружения) ($r=0,525$, $p=0,01$).

Можно предположить, что в ситуации перенесенного онкологического заболевания на этапе ремиссии агрессивная позиция матери, которая в опроснике Г. Айзенка описывается как «повышенная психологическая активность, стремление к лидерству путем применения силы по отношению к другим людям» (Дмитриев, 2010) парадоксальным образом играет функциональную роль. Эта позиция позволяет ей быть целеустремленной во взаимодействии с врачами и общественными организациями, занимающимися организацией лечения ребенка, что косвенным образом способствует более успешной адаптации самого ребенка.

Также была выявлена положительная взаимосвязь между уровнем тревожности матери и степенью тревожности ребенка ($r=0,419$; $p=0,046$). Это свидетельствует о том, что при повышении уровня тревожности у матери тревожность ребенка также возрастает. По-видимому, такая корреляция является следствием тесного эмоционального контакта, возникающего у матери с ребенком во время болезни.

Была обнаружена отрицательная корреляция между показателем фрустрации матери, возникающей вследствие реальной или воображаемой помехи, препятствующей достижению цели и показателем познавательной активности ребенка ($r=-0,486$; $p=0,019$). Выраженная фрустрация матери означает снижение мотивации к достижениям, преодолению трудностей и низкую самооценку. При наличии фрустрации у матери учебная мотивация ребенка и, соответственно, общая оценка себя как «знающего», «умеющего», может также снижаться.

На следующем этапе исследовались взаимосвязи между особенностями структурной организации семьи и психологическими особенностями ребенка. Была выявлена корреляция между семейной сплоченностью в реальной семье и общим показателем частоты социальной поддержки ребенка ($r=-0,465$; $p=0,036$). Чем более мама видит семью сплоченной, тем более незначительной кажется ребенку социальная поддержка. Возможно, «слитность» в отношениях ограничивает возможность ребенка замечать и адекватно оценивать этот вклад, что может привести к ухудшению адаптации самого ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.